

Культурные практики в процессах становления культуры

Рассматриваются современные представления о культурных практиках, их видах, ценностных смыслах и особенностях становления в истории человечества.

Ключевые слова: культурные практики, духовные практики, повседневность, праздники, ценностные смыслы, мифы, ритуалы, магия, совместная трапеза, скотоводство, земледелие

Valery P. Bolshakov

Cultural practices in the formation of culture

Modern ideas in cultural practices, their practices, values meanings and characteristics of the formation in the history of human race are discusses.

Keywords: cultural practices, spiritual practices, everyday life, holidays, value meanings, myths, rituals, magic, sharing a meal, cattle-breeding, agriculture

В последнее время наблюдается всплеск интереса к рассмотрению культуры в качестве культурных практик. Культурные практики и культурные индустрии начали уже определять содержание некоторых учебных дисциплин при обучении культурологов.

Но что же такое эти практики? О них пишут не так уж и мало, но чаще всего – не о культурных практиках. Как всегда поэтому, начиная разбираться с этим понятием, следует уточнить его смысл. А поскольку оно образовано из двух слов, целесообразно все-таки начать со слова «практика», а потом попытаться понять, что скрывается за определением «культурная».

Практику чаще всего определяют примерно так: разумная человеческая деятельность, основанная на сознательном целеполагании и направленная на преобразование действительности, в том числе и самого человека.

Или так: деятельность, служащая для достижения необходимой опытности в каком-либо деле, а также индивидуальный опыт того или иного специалиста в своей области. С этим определением связано понятие «практиковаться».

Отдельно определяют социальные практики: процесс взаимодействия субъекта и системы общественных отношений, приводящих к изменению как личности, так и общества.

И, наконец, употребляется выражение «духовные практики» в отношении к таким явлениям, как йога, исихазм, суфизм и т. д. – практики индивидуального самосовершенствования.

Одно из основных понятий развивающейся теории культурных практик является «освоение». Главное исходя из выше отмеченного – практика понимается как деятельность или (и) поведение человека по непосредственному ос-

воению действительности (в том числе и самого себя): порождение, реализация, сохранение, и трансляция опыта и навыков разнообразного ее освоения. При этом надо иметь в виду, что существует разнообразие форм, видов, способов освоения действительности, а также, что возможно ее умозрительное, чисто теоретическое освоение. Особо выделяют практики культурные. Значение определения «культурная» зависит, конечно, от смысла, который мы вкладываем в понятие «культура».

Понятие «культура» в наше время довольно часто трактуется чрезмерно широко, как все, что создано (и создается) человеком и человечеством, как способы (и результаты) вообще человеческой деятельности. При таком понимании культуры все практики и есть практики культурные. Но вряд ли следует исходить из такого чрезмерно расширительного понимания культуры. Более точным представляется ее понимание как реализуемого духовного опыта, содержанием которого выступают ценностные смыслы явлений, выраженные в знаковой форме.

Тогда: воплощение и реализация (практическая) ценностных смыслов происходит в языках культуры, знаковых системах любой физической природы (телодвижениях, жестах мимике, словесных языках, языках искусств и т. д.).

Культурные практики – не обязательно индивидуальны. Более того, чаще всего они совместны и институционализированы. Культурные практики – это, кроме всего прочего, деятельность социальных институтов культуры (музеев, библиотек, клубов, домов культуры, школ искусств, вузов культуры и искусств и т. д.). Практики управленческих структур (министерств, ведомств, отделов культуры) культурны в дру-

гом смысле, в смысле направленности их деятельности (по долгу службы!) на сохранение и функционирование культуры.

А, в общем-то, культурные практики – это и есть реализация культуры в ее непосредственной действительности.

Какие же существуют культурные практики, их виды и формы?

Прежде всего, различают культурные практики повседневности и неповседневности. Но для того, чтобы иметь представление о том, какие повседневны, а какие – нет, надо остановиться на смыслах понятий «повседневность» и «культура повседневности». Исследователь повседневности В. Д. Лелеко отмечает, что историки и краеведы уже в XIX в. описывали устройство мест обитания человека, как поселений, так и жилища; обращали внимание на организацию быта, традиции телесных и духовных практик, обеспечивающих ежедневные потребности в «крыше над головой», пище и питье, телесной и духовной гигиене, общении и психологической поддержке, и т. п.¹ Предметом специального интереса были также этапные события в жизни человека, семьи и общества, оформленные как обряды перехода: рождение, достижение совершеннолетия, создание семьи, смерть. Кроме того, речь шла о семье и внутрисемейных отношениях, о досуге: играх, развлечениях, зрелищах, о праздниках.

С 1920-х гг. история повседневности обратилась к «маленькому» человеку, его заботам и проблемам, к быту, частной жизни, семье как первичной ячейке общества, в общем, к практикам повседневности. Повседневность при этом рассматривается как то, что регулярно повторяется в жизни человека и человеческих сообществ (по преимуществу, но не обязательно, изо дня в день).

Тогда, исходя из вышеозначенного понимания культуры, культура повседневности – это реализация (воплощение) культуры, ее ценностей, ценностных смыслов в каждодневном бытии человека или сообщества людей. Те или иные ценностные смыслы в каждую историческую эпоху, в каждой из культур воплощаются в определенных формах, способах проведения повседневных занятий и досуга.

Повседневная жизнь сфокусирована на практическом удовлетворении жизненно необходимых телесных и духовных потребностей человека: «Это жизнь деятельная, это мир действий и взаимодействий для достижения каких-то практических целей»². В первую очередь – удовлетворения тех потребностей, которые являются универсальными, присущими всем людям во все времена. Они имеют императив-

ный характер, их невозможно игнорировать без ущерба для полноценного существования, здоровья, да и самой жизни. Жизнь тела, например, отмечает Лелеко, невозможна без еды и питья, воздуха и света, физической активности и отдыха, отправления естественных надобностей и удовлетворения сексуальных потребностей. Очевидно, что телесное и духовное в человеке неразсторжимо связано. Один из аспектов такой связи – то, что удовлетворение тех или иных физиологических потребностей погружено и в значительной степени до сих пор погружается в религиозно-мистический контекст и ситуацию группового общения. Скажем, еда и питье, чаще всего, – это не еда в одиночку, а коллективная трапеза, которая сопровождается обращениями к богу (богам) и угощением высших сил, дарующих людям хлеб насущный. Общая трапеза усиливает феномен группового общения, единения людей за столом, предполагает тосты, общий разговор и др. Повседневное практическое осуществление гендерной роли. Недаром говорят, что быть женщиной в американской культуре и в японской – разные вещи, разная житейская практика. Вроде бы, за рамками повседневности, применительно к культуре, остается праздничность. Но не абсолютно. Домашние, семейные праздники могут рассматриваться как в рамках повседневности, так и в противоположность ее течению.

Очевидно не повседневны культурные практики социальных институтов культуры: функционирование ценностей культуры в деятельности музеев, библиотек, домов и дворцов культуры и т. д. Не повседневны многие культовые практики, так называемые духовные практики. К примеру, практика йоги. Целый ряд составительных, в том числе игровых, спортивных практик. Ритуальные и обрядовые практики, так же как этикетные и речевые, могут выступать и как повседневные, и как неповседневные. То же и с практиками народного и самодеятельного художественного творчества, вообще досуговыми и зрелищными практиками.

Возникновение культурных практик, естественно, происходит в период становления вообще культуры³. Более того, культура и рождается прежде всего в качестве совокупности культурных практик. Все, что мы знаем о начальном состоянии культуры, становится нам известно по интерпретациям изученных вещных остатков человеческой деятельности (орудий труда, оружия, захоронений, обработанных пещер, хозяйственной утвари, наскальных рисунков), а также по изучению племен и отдельных этносов, которые до сих пор сохранили в своей жизни что-то (а местами и очень многое) от периодов

неолита и даже мезолита. Мезолитические племена остались в Африке. Австралии (бушмены, пигмеи, австралийские аборигены). Подобные племена сохранились в Океании и Южной Америке (бассейн Амазонки). Что-то от глубокой древности сохранилось в традициях ряда горских и северных народов, у североамериканских индейцев. Раньше всем им отказывали в наличии культуры, считая дикарями. На самом деле, именно в каменном веке появилось и существенно проявилось то, что обусловило возможности развития и цивилизации, и культуры. Возможности, которые потом по-разному реализовывались в разных географических и исторических условиях, а кое-где и не реализовались вполне. Там и сохранились зачаточный уровень и характер того и другого – цивилизации и культуры. И в этом зачаточном состоянии особенно трудно отделить первичные признаки становящихся цивилизации и культуры. Это касается и возникающих практик. Практики, которые мы называем культурными, возникают на низшем, так называемом «витальном» (от слова *vita* – жизнь) уровне. Уровне, базовом для культуры. Уровне, который определен потребностью пралюдей в выживании в природе, в которой их никто не ждал. Ибо они, как ни странно, были во многом существами не природными.

Для так называемых первобытных сообществ то, что мы именуем цивилизацией, и то, что называем культурой, в наибольшей мере совпадает. Ведь и то, и другое предполагает появление чего-то существенного в действиях и отношениях живых существ, отличающихся от существ природных. Хотя одна из основных особенностей первобытных сообществ – сбалансированность их отношений с природой, относительная неразделенность с ней, которая, однако, именно относительная. И сами существа (те, кого мы называем людьми), и их сообщества не являются биологическими. Характер и результаты их действий и отношений во многом не природны; они обработаны, особо оформлены, фактически окультурены.

Будучи неприродными, ненужными природе существами, пралюди были вынуждены решать задачу выживания в этих условиях. Прежде всего, задачу встраивания в пищевые и деятельностные ряды. Основные культурные практики поэтому – практики хозяйствования: изготовления орудий и оружия, охоты, рыболовства, собирательства. Практики, потребовавшие создания орудий (и оружия!), а главное – навыков их создания и использования. Навыков, передающихся от поколения к поколению.

С этим связано появление и использование сначала естественных, а позже искусственных

орудий (палки-копалки, отщепы, ручные рубила, каменные ножи и топоры) и оружия (копья, бумеранги, духовые трубки, луки и т. д.). Пралюди выработали особые практики собирательства (занятие преимущественно женщин и детей), охоты, а там, где были водоемы, – рыболовства (дела мужчин). Эти практики выступили формами цивилизационного развития, притом что важной оказалась и его духовная составляющая.

Ведь создание орудий и навыков их использования и передачи этих навыков от поколения к поколению были бы немыслимы без своеобразной деятельности человеческого сознания, без развития духовных практик: так называемого «ручного» мышления и человеческого общения. Все виды орудийной и хозяйственной активности требовали совместности действий, способности к освоению не только своего опыта в охоте, в рыболовстве, в собирательстве, в приготовлении пищи. Это требовало развития форм знакового общения, практик коммуникации. Коммуникация на практике осуществлялась средствами определенных действий, жестов, мимики, выкриков.

Вся жизнедеятельность людей была специально и разнообразно оформленной и совершенствуемой, в сравнении с тем, что наблюдается у других живых существ. Причем, в использовании и создании вещей и в самих создаваемых предметах явно воплощался духовный опыт, которого не могло быть без развития мышления (хотя бы так называемого «ручного»), оформления проявлений чувственности, развития форм общения, знаковой (языковой) деятельности.

Мышление не развивается без языка, без знакового общения (первичные языки – несловесные: жесты, мимика, выкрики и т. д.). Общение характеризует наличие общностей и выделение данных общностей на некоей единой основе. Общности первобытности – это род («коллектив» кровных родственников) и племя (объединение родов, ведущих свое происхождение от одних предков). Основой общности, помимо кровного родства, выступала некая ритуальность, которая содержала базовые позиции бытия первобытных людей: восприятие своей слитности, выраженной в самоидентификации по типу «мы», отделение этого «мы» от остальных «они», закрепление и передача опыта, включающего моменты как хозяйственной (охота, рыболовство, собирательство), так и социальной деятельности (способы организации общины, брачные отношения, властные структуры и вся повседневность).

Все это свидетельствовало о появлении определенных приемов обработки, создания и

использования вещей и знаков, чего нет в природе. Появились и неприродные, негенетические способы хранения и передачи приемов и навыков. Это не были наследственные программы поведения, как у пчел или муравьев. Возникла вроде бы примитивная (по нашим меркам), но, очевидно, духовная активность.

Для всех известных нам сообществ была характерна практика специальных захоронений умерших (животные не хоронят), особые верования (ненужные животным), изобразительная деятельность (не рисуют животные), развитые ритуалы, разнообразная магия.

Вся повседневная жизнь древнейших людей оказывается специфически (неприродно) оформленной. В ней действуют практические формы, которые можно считать формами культуры (точнее, зарождающихся цивилизации и культуры в их единстве), благодаря которым люди искусственно встроились в окружающую среду на иной, нежели природная, основе.

Но отрываться от природы вовсе было невозможно и опасно. Человеку надо было найти и утвердить свое место в природном мире, практически определить это место, свою значимость, ценностный статус. В этом плане огромную роль также сыграло развитие верований, мифологического сознания и ритуально-мифологической практики.

Духовный элемент жизнедеятельности, необходимый, еще не выделен как-то особо в древних культурных практиках, хотя его существование очевидно. Духовно-практический характер имеют важнейшие формы и виды культурных практик. Прежде всего, это касается мифов, ритуалов, обрядов.

Мифы древности имеют не объяснительный характер. Многие исследователи утверждают практическую сущность мифа. Мирча Элиаде отмечал, что в примитивных сообществах миф обозначал «подлинное, реальное событие» и, что еще важнее, событие «сакральное, значимое...»⁴. То же самое утверждал Б. Малиновский: «Миф, каким он создается в первобытной общине, т. е. в его живой первозданной форме, – это не история, которую рассказывают, а реальность, в которой живут... практическое руководство первобытных верований и поведения»⁵. Миф – это проживаемая культура. В мифе человек действует, живет. И форма бытия мифа – это ритуал. Ритуальна тотемистическая практика. Тотемизм, анимизм и фетишизм в действии. Первобытная мифология связана «с действием, жизнью, поскольку культовые сообщества, тотемистические группы на своих собраниях занимаются не только повествованием и пением, но и инсценировкой мифов»⁶. Впрочем, слово

«инсценировка» – неудачно. Миф не инсценируется. А именно проживается, каждый раз заново в ритуальной форме. Ритуал – это не просто концентрация референтов, «сведения о ценностях и нормах; это и не обыкновенный набор практических указаний и символических парадигм для повседневного поведения, предписывающий, как супруги должны относиться друг к другу, как пастухи должны классифицировать свой скот, как охотникам следует действовать... Это еще и сплав сил, которые считаются присущими людям, предметам, отношениям, эпизодам и повествованиям, представленным в символах»⁷. Практика погребений свидетельствует о значении жизни духов, душ после смерти. Анимизм (вера в одушевленность всего сущего) предполагает обрядовую и бытовую практику общения с духами. Ритуальные и обрядовые практики представляли собой действительное одухотворение жизни людей через ее оформление.

Древняя магия – вера в возможность непосредственного практического воздействия на окружающий мир (например, возможность вызвать необходимый дождь во время засухи). Вера в такую возможность и распространенность магических практик базировались, по видимому, на том, что окружающий мир единствен с человеком – одушевлен, одухотворен. И поскольку этот мир, очевидно, действует на человека разнообразно и непосредственно, то и человек способен воздействовать на него⁸.

Наши далекие предки создали «механизм» веры как собственно культурный механизм и заложили развивающийся опыт веры в практическую деятельность и в практический воспитательный процесс.

Воспитание – специальная организация передачи практического и духовного опыта – также детище первобытности. Естественно, в первичных процессах воспитания не обособлены обучение и образование. Развитие, воспитание маленьких детей происходят в основном в житейской практике с участием женщин, которые заботятся о детях. Подрастая, детишки вместе с женщинами участвуют в собирательстве, в хозяйственных хлопотах. Их воспитание рано становится трудовым и определяется подражанием старшим. Но, помимо этого, во всех охотничье-собирательских сообществах существовало специально организованная практика воспитания мальчиков-подростков.

Во время, отведенное для этого, подростки, становясь мужчинами-воинами, осваивают навыки войны и охоты, узнают легенды, мифы, ритуалы своего племени. Они учатся терпеть тяготы этой жизни. Они развиваются физически, но старшие добиваются и того, чтобы они

достигли высочайшего уровня стойкости, преданности своему роду, племени. Такого уровня, чтобы необходимость отдать жизнь на благо сообщества не вызывала сомнений и раздумий.

Весь процесс такого воспитания исследователи называют инициацией. Инициацией же называется и завершение этого процесса: специально организованное практическое действие, во время которого готовность подростков к получению статуса мужчины-воина жестоко испытывается.

В древних сообществах не образуется социальных слоев. Из всего населения племени выделяются вожди, колдуны, старейшины. Остальное население практически расслаивается в основном по возрасту и полу. Половое разграничение весьма выразительно. В хозяйственной деятельности функции мужчин и женщин разделены. Мужчины заняты охотой, рыболовством, ремеслом. Женщины – чаще всего собирательством, хозяйственными делами.

Свободное от хозяйственных забот время мужчины и женщины проводили чаще всего обособленно, даже если в племени уже были фиксированные семьи. Возникла практика общения женщин в совместной хозяйственной деятельности. И мужчин, в том числе в мужском доме. Мужской дом – это ведь нечто вроде мужского клуба. В этом доме хранились священные реликвии племени (которые женщинам даже видеть было нельзя). Без участия женщин мужчины в этом доме готовились к некоторым ритуалам и проводили некоторые из них. В этом доме ночевали холостяки и почти всегда гости мужского пола. В мужском доме мужчины общались – болтали, курили, нередко вместе ели и занимались своей внешностью.

Именно в первобытности рождается культурная практика совместной еды. Совместная трапеза была значимой в высокой степени, поскольку еда исходно стала одной из высших ценностей становящихся культур. Практически безоружный, не обладающий ни одним качеством, превосходящим животных, наш далекий предок испытывал огромные трудности на охоте. Успех не преследовал его. Но, когда ему удавалось добиться своего, то это был праздник. Ни один цивилизованный человек не в состоянии понять, что значила еда в те далекие времена, в особенности изобильная еда. Ее совместное потребление, обработка продуктов, которой способствовало искусственное добывание и использование огня. Когда мы говорим о единстве процессов развития цивилизации и культуры в древности, надо понимать, что, скажем, освоение огня (которого боится все живое) являлось моментом, во многом определившим направ-

ленность развития цивилизации, и в то же время моментом, требующим некоторой развитости духовной жизни, культуры. То же самое относится к приспособлению для жизни пещер. А позже строительства жилищ (общих домов, вигвамов, чумов, иглу и т. д.). А также, при освоении особых климатических зон, – развития одежды, в том числе в сложных формах.

Еда, скажем, ощущалась как победа сил добра над силами зла, которые пытались уничтожить человека. Еда была полем жизни и смерти. Неудивительно, что позже еда (хлеб-соль, например) стала символом уважения при встрече важных, дорогих гостей. Хлеб становился священным продуктом. Потребление еды стало развитой культурной практикой у всех народов. Совместная трапеза, еда и сейчас остаются необходимым элементом общения между людьми (семейного, дружеского, на свадьбах, праздниках, на поминках, при приеме гостей).

В мужском доме, однако, мужчины не только вместе ели, курили, общались, но и занимались своей внешностью, нарядами. В те времена внимание к собственной внешности было характерным именно для мужчин. Во-первых, они разукрашивали себя для устрашения врагов (боевая раскраска). Во-вторых, заботились о ритуальной раскраске и ритуальных костюмах. В-третьих, все время старались специально обозначить самобытность своей внешности, используя перья птиц, ожерелья из зубов и когтей хищников, просто полоски из соломы, подкрашенные и воткнутые в волосы, татуировки и т. д. Современные исследователи считают, что целью всего этого являлось не украшение, а обозначение себя как культурного существа: животные не изменяют своей внешности, а человек изменяет, как хочет. Практики заботы о своей внешности дожили до наших дней.

Это одно из свидетельств того, что люди древности ощущали ценность окультуренности своей жизни. По-видимому, потому что только путь создания и практической реализации культуры (и цивилизации) позволял сообществу выжить.

Но в тех сферах жизнедеятельности, где практический интерес сообщества не был четко выражен, начинала проявляться индивидуальность. Это сказалось и в элементах изменения внешности (украшений), и в практиках так называемых «праздников», когда вольности, свободное поведение допускалось, вплоть до нарушения норм. Это же проявилось и в зачатках эстетической и художественной активности: песенно-танцевальной и изобразительной деятельности. Эту практически-духовную деятельность зачастую именуют первобытным

искусством. Конечно, никакого искусства в нашем понимании этого слова тогда не было и быть не могло. Характер изобразительной, песенно-танцевальной и иной прахудожественной практической активности, по-видимому, целиком определялся ритуально-магическими представлениями и практической необходимостью. Обрядовые пляски первобытных людей, наскальные изображения животных, орнаменты, театрализованные действия явно связаны с производственно-охотничьей магией, с культом плодородия (женские статуэтки – «неолитические Венеры»). Но они весьма разнообразны, и в них видны зачатки эстетического и художественного отношения к миру⁹.

Повседневное и неповседневное в первобытности нечетко разделены. Не все культурные практики и тех времен повседневны. Обыденная жизнь человека первобытности наполнена трудами и заботами. В целом жизнь довольно однообразна. Но ткань однотонного бытия разрывается «праздниками», которые играют огромную роль в жизни первобытного сообщества (слово «праздник», как и многие другие современные слова, не совсем точно передает смысл того, что похоже на праздник в первобытности). Это особое время, которое не просто прерывает будни, но в течение которого снимаются некоторые очень важные в обычной жизни запреты. Праздник позволяет человеку практически реализоваться иным, более выразительным образом и тем самым снять эмоциональное напряжение, вызванное монотонностью и тяготами обыденности. Праздник – всегда за пределами работы, это что-то противоположное работе (а не всей повседневности). В праздник делаешь не то, к чему принужден обстоятельствами, а то, что хочешь. В доисторические, да и в исторические времена, праздниками отмечали окончание какой-то очень важной и трудной деятельности, напряжение которой и снималось за счет свободного делания того, что обычно было запретным. И за счет практического выразительного эмоционального проявления человека в форме асоциального поведения, когда допускается деструктивная деятельность, направленная на «выпускание пара». Праздник содержит в себе моменты эмоционального «выхлеста» в виде танцев, песен, игр, когда накопленное напряжение снимается эмоционально позитивной деятельностью.

В целом культура повседневности первобытных сообществ уже содержала в себе многие культурные практики, которые в измененных формах сохранялись и позже, а кое-что дожило до наших дней. К примеру, всплеск интереса к практике татуировок в XX–XXI вв., вера в прак-

тическую действенность чудотворцев, якобы дающих магическое мгновенное исцеление, освященность продуктов, даже появившихся после первобытности в пору перехода от присваивающего типа хозяйствования к производящему.

В скотоводческих и земледельческих цивилизациях, однако, повседневность и неповседневность обрели и много нового, в практических формах жизни и в содержательном наполнении, в ценностных смыслах этих форм.

И скотоводство, и земледелие представляли собой, прежде всего, развитие форм хозяйственных культурных практик. Именно специфика хозяйственной практики скотоводства, особенно кочевого, обусловила своеобразие других культурных практик скотоводов-номадов. Это касается практических освоений пространства: организации перекочевки, поселений и жилищ, появлению в образе жизни культурных практик торговли. Исследователи скотоводческих сообществ отмечают, что пространство поселений и жилищ кочевников-скотоводов представляет собой как бы определенного рода модель мира, порождение которой, скажем на временных стоянках и при обустройстве юрты, всякий раз начинается с практики ритуальных действий и сопровождается ими. Скотоводство диктует особенности культурных практик питания с доминированием мясной и молочной пищи, с проявлениями в процессе совместной трапезы особой пищевой иерархии. Развитие практик ремесел, изготовления изделий из кожи, войлока, одежды и обуви также определяется характером кочевой жизни и скотоводческого хозяйства.

Праздники номадов с их песнями, плясками, сказаниями о богатырях связаны с природно-сезонными циклами, важными для того же скотоводства.

Скотоводческие культуры все же оставались более, чем земледельские, традиционными именно в плане культурных практик. Эти практики по преимуществу реализовывались на базовом, витальном уровне культуры. На том уровне, на котором очевидна невыделенность их собственно культурных, духовных составляющих из практически-духовного единства деятельности, нераздельность того, что мы называем сегодня цивилизацией и того, что называем собственно культурой. При взаимодействии с земледельческими культурами, правда, скотоводческие влияли на культурные практики земледельцев, которые и без этого были более разнообразными (в зависимости от месторазвития) и более изменчивыми, особенно в Европе.

Само слово «культура» не даром связано в своем происхождении и содержательном, ценностном смысле с развивавшейся практикой

земледелия. Неслучайно и до сих пор продукты земледелия и растениеводства, такие как пшеница, рис, маис, картофель, именуются сельскохозяйственными культурами. Особенности земледельческого хозяйствования оказали огромное воздействие на все стороны жизни древних цивилизаций. Земледелие, развиваясь в планах технологии и техники, распространяясь все шире, представляло собой базу цивилизационной устойчивости жизни людей и прогресса, в том числе духовного.

Земледельческий труд воплощал в себе высокую ценность природы, матери-земли, обработка которой была приложением не только физических, но и духовных сил человека. И несмотря на то, что разделение труда лишило труд большинства земледельцев свободы, необходимой для переживания этого своего труда в качестве жизненной и культурной ценности, его культурная ценность оказалась разнообразно воплощенной в разных практиках жизни земледельцев, огородников, садоводов.

Практика эффективного поливного земледелия обусловила необходимость и обеспечила условия становления многих других культурных практик, которые реализовывались меньшинством населения (освобождавшимся за счет труда земледельцев-тружеников от непосредственного участия в тяжелых сельскохозяйственных работах, да и иным физическом труде). Возникли практики управления хозяйством и вместе с тем всей инфраструктурой жизни земледельцев. С необходимостью была порождена организация культурных центров, центров концентрации и хранения духовных ценностей, центров, в их совокупности создающих особые культурные пространства. Были порождены и средства хранения и трансляции духовных ценностей.

В устремлении духа земледельцев ввысь – от земли к Небу и Солнцу (условиям эффективного земледелия), с «вертикальностью» их культур оказались связанными практики верований, образующих культы мировых религий. С этим же связано и освоение пространств – тяготение в возникающей архитектуре к ее устремленности ввысь, к небу.

Развитие форм общения, необходимых для хозяйственной, повседневной и неповседневной жизни земледельцев, породило средства и формы практик письменной культуры, а также духовных практик развивающихся искусств и проведения досуга.

В то же время культурные практики, развитые еще в первобытности, практики совместных трапез, совершенствовались, наполняясь духовными смыслами, позже, например, становясь греческими симпозионами.

Развились и собственно духовные практики разного рода: монашество, йога, исихазм, суфизм и т. д.

Но все более явственно обнаруживалось и противоречие между цивилизационными и собственно культурными составляющими разных практик. И не сразу осознаваемая опасность (которую в XVIII в. неявно обозначил Руссо, а в начале XX в. Шпенглер). Опасность доминирования в практиках нашей жизни того, что мы называем цивилизацией над тем, что называют культурой. Тем более, что в XX в. обнаружилось очевидные трансформации культурных практик в культурные индустрии. Вопрос, однако, как раз в том, насколько эти индустрии (образования, питания, досуга и т. д.) культурны? Насколько и каким образом в них сохраняется то, что характерно для собственно культурных практик?

Примечания

¹ Лелеко В. Д. Пространство повседневности как предмет культурологического анализа: дис. ... д-ра культурологии: 24. 00. 01 / СПбГУКИ. СПб., 2002. 321 л.; Его же. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: СПбГУКИ, 2002. 320 с.; Культурология: учебник / С. Н. Иконникова, В. П. Большаков, В. Д. Лелеко и др.; под ред. С. Н. Иконниковой, В. П. Большакова. М., 2013. § 6.1. Повседневность и культура повседневности. С. 180–182.

² Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. С. 19.

³ Новицкая Л. Ф. Становление культуры // Большаков В. П., Новицкая Л. Ф. Особенности культуры в ее историческом развитии: от зарождения до эпохи возрождения. Вел. Новгород, 2000. С. 4–46.

⁴ Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2006. С. 7.

⁵ Цит. по: Лосева И. Н. Миф и религия по отношению к реальности познания // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 65.

⁶ Магический кристалл: магия глазами ученых и чародеев. М., 1994. С. 146.

⁷ Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 39–40.

⁸ Леви Э. История магии: ритуалы и таинства. М., 2008. С. 382.

⁹ Новик Ю. О. Очерки антропологической истории культурологической теории первобытного общества. Петропавловск-Камчатский, 2006. С. 141.